Вечные ценности Гасана Мирзоева

Президент ГРА рассказал о знаменательных для него вехах семейной истории и профессионального становления, о поиске призвания и том, что для него самое важное в жизни

Пожалуй, не найдется в нашей стране адвоката, который не знал бы имя Гасана Мирзоева. О нем пишут и говорят многое, и равнодушных к нему нет. Как нет и тех, кто бы недооценивал вклад, который Гасан Борисович внес в развитие адвокатуры, да и современной России в целом.

Сам же он признается, что сегодня старается не афишировать свою жизнь и избегает общения с прессой. Но для «Российского адвоката» сделал исключение, открыв двери не только своего кабинета, но и дома, где наибольшей ценностью являются не регалии и награды, а семейные традиции, которые хранят и чтут как самое большое богатство.

ТЕКСТ ЮЛИЯ РУМЯНЦЕВА-ТОМАШЕВИЧ, **ФОТО** МАРИЯ КАПИТАНОВА

Наша встреча началась в Центральном доме адвоката, что в Малом Полуярославском переулке, – в одном из двух зданий, где наряду с Гильдией российских адвокатов (ГРА) располагаются Международная ассоциация русскоязычных адвокатов (МАРА), Российская академия адвокатуры и нотариата (РААН) и Международный совет российских соотечественников. В соседнем здании находится Коллегия адвокатов Московский юридический центр. Это особое место для Гасана Мирзоева: в фотографиях на стенах его кабинета застыла история современной России, тесно сплетенная с историей нашей корпорации. Гасан Борисович знает ее, как никто другой, а о некоторых эпизодах до сих пор без волнения говорить не может. В беседе о тайнах и легендах, связанных с именем бессменного руководителя ГРА, мы провели не стандартные два часа, а увлекательные два дня, и поэтому решили отказаться от привычного для нашего издания формата интервью, предоставив слово самому Гасану Борисовичу, и лишь добавили немного своих впечатлений.

РАСПЛАТА ЗА МЕЧТУ

С детства я мечтал быть следователем. Являясь комсомольцем и членом пленума Наримановского райкома комсомола города Баку, был назначен комиссаром оперативного комсомольского отряда по борьбе с преступностью с рекомендательным письмом для поступления в Азербайджанский государственный университет. Имелась у меня и характеристика третьего отделения милиции города Баку. Наверное, уже тогда во мне заговорило обостренное чувство справедливости. Я всегда старался бороться против того, что приносит людям боль и страдания, поэтому твердо выбрал для себя профессию юриста.

В 1967 году, с максимальным количеством баллов поступив на первый курс очного отделения юридического факультета, я был принят на работу опердежурным отдела охраны Наримановского района города Баку с совмещением должности оперуполномоченного уголовного розыска внештатно.

В сентябре 1969 года в нашем районе участились квартирные кражи. Среди прочих обокрали квартиру секретаря райкома партии, и по имевшимся оперативным данным мною был задержан подозреваемый в этой краже. Как впоследствии мне стало известно, им оказался родственник секретаря ЦК Компартии Азербайджана, который с первой минуты допроса вины не отрицал. После задержания и составления протокола были сняты отпечатки пальцев, и я, доложив дежурному райотдела, пошел домой отдохнуть и совершенно забыл сдать оружие.

Довольный лег спать, вдруг слышу – звонок в дверь. Смотрю в глазок: стоят помощник дежурного, с которым мы задерживали подозреваемого, и за ним еще два милиционера. Мы поехали к начальнику отделения. Сдав оружие и получив талон-заменитель, я зашел в кабинет начальника в надежде услышать слова благодарности. Тот приобнял меня и сказал: «Сынок, я тебя прошу, забудь про это задержание и протокол порви». «Как это порвать, товарищ майор? Я же комсомолец!» Начальник стукнул кулаком по столу: «Я же сказал, нужно забыть про это дело, а иначе будете давать объяснения прокурору, почему не сдали оружие! А кроме того, мы знаем, что вы получаете 43 рубля стипендии к 89 рублям зарплаты, а это запрещено законом».

Я пообещал ему сегодня же перевестись на заочное отделение, что сразу же и сделал. Однако буквально через несколько дней меня вызвали повесткой в военкомат, призвали на срочную военную службу и направили сначала в учебную роту в Белоруссию в город Гродно, а оттуда – в Калинин-областной, где с 1971 по 1973 год я служил в Военно-воздушных силах СССР в Краснознаменном Бреславльском авиационном соединении на должностях младшего командного состава.

СУДЬБА И ИМЯ

Двумя годами ранее, в 1969-м, я написал заявление о желании служить в органах безопасности. Начальник отдела кадров сказал мне: «Мы вас направим на медкомиссию, но от себя по-отечески хочу отметить, что имя ваше, Григорий Борисович Евдаев, для азербайджанского контрразведчика по ряду причин не подходит». И мы с братом с благословения родителей решили поменять нашу фамилию с Евдаев на Мирзоев.

Еще в детстве в Баку во дворе меня все звали Гасаном, потому что произносить мое имя «Гриша» не хотели. Со временем я привык к этому.

Со сменой имени связана еще одна наша семейная история. Было это в конце XIX века. Моего прадеда лошадь привезла с кинжалом в груди – было совершено убийство. Чтобы не допустить кровной

вражды между нашей семьей и семьей убийцы, старшие из обоих семей договорились следующего ребенка, родившегося с той и другой стороны, назвать в память о погибшем. Мой отец этого завета не воспринял, поэтому этот шаг сделали мы с братом. Так я стал Гасаном Мирзоевым.

Позже я много раз пытался вернуть всё обратно, потому что хотел до конца своих дней остаться с именем, которым нарекли меня родители. Однако моя жена, дети и даже внуки отговорили меня. Я даже обращался к нашему раввину, и он сказал мне: «Поменяешь имя – поменяешь судьбу».

...А ленинградскую медкомиссию в школу КГБ я не прошел в связи с обнаружившимся нарушением цветоощущения группы С (хотя потом, спустя много лет, я узнал, что эта формулировка для тех, у кого «пятая графа»). Но, наверное, это было справедливым решением, потому что и сегодня утром, собираясь на работу, я не мог подобрать к пиджаку соответствующий цвет жилета.

ДОРОГА К СЕБЕ

В 1976 году, после службы в армии, я всё-таки получил долгожданный диплом об окончании юрфака. К тому времени я уже успел поработать и военным следователем, и юрисконсультом Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог Азербайджанской ССР.

Отец повторял мне: «Всё равно тебя скоро вынесет на совершенно другую стезю. Ты штаны протирать не станешь, тебе захочется видеть плоды своего труда... Вообще, сын, думаю, что твое призвание – адвокат». Тогда я, сам не знаю отчего, резко ответил ему: «Адвокатом я никогда не стану!» Прошло время, и я понял, что отец был прав.

В апреле 1977 года меня приняли членом Коллегии адвокатов Азербайджанской ССР и направили на работу сначала в юридическую консультацию № 6 города Баку, а через несколько месяцев – в городскую юридическую консультацию № 15.

Первое мое дело было связанно с ДТП. Мужчина с большой скоростью ехал на грузовике, а через дорогу во главе с воспитательницей, держась за руки, цепочкой шли дети. Чтобы не сбить их, он направил машину на железобетонный заводской забор и сбил насмерть сидевших там двух работников завода. В своей речи я пытался убедить суд, что это абсолютно неординарный случай и несправедливо осудить человека, который, спасая детей, сам мог погибнуть, – значит взять грех на душу. Спустя много лет судья, председательствовавшая на судебном заседании, призналась мне, что я ее будто загипнотизировал: ведь это статья, по которой два трупа, а она определила условное наказание.

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

В апреле 1978 года меня вызвали в Министерство юстиции республики. На столе министра Наримана Габибовича Юсифова лежало мое личное дело. Я удивился, когда услышал о предложении возглавить юридическую консультацию № 13 города Баку, созданную в огромном Шаумяновском районе.

Но вскоре выяснилось, что никакой консультации нет, а есть только решение о ее создании. Мне было

разрешено взять под консультацию недостроенное здание блока первичного бытового обслуживания населения. Я нанял бригаду, рабочие за месяц здание достроили и высадили деревья.

Через несколько лет консультация стала одной из самых крупных в Закавказье и прославилась тем, что в 1984 году по итогам Всесоюзного конкурса была признана лучшей юридической консультацией СССР с вручением переходящего Красного Знамени Минюста.

МНОГОЛИКАЯ ФЕМИДА

Пожалуй, самым трудным и памятным процессом, который я вел в качестве адвоката, было «дело цеховиков», раздутое в назидание всем, кто хотел перемен в экономике. Обвиняемые, ответственные работники прокуратуры Азербайджана Саша Бабаев и Изик Кулиев и руководители трикотажной фабрики Алекпер Миркишиев и Вазген Сааков, совместно с другими лицами привлекались к уголовной ответственности по статье «Хищение социалистической собственности в особо крупных размерах», которая предусматривала исключительную меру наказания – смертную казнь. Суть дела сводилась к тому, что обвиняемые экономили трикотажное сырье, шили из него водолазки и после их реализации выплачивали премии работникам фабрики.

Дело было настолько громким, что для надзора за ходом расследования из Москвы приехал первый заместитель генерального прокурора СССР Виктор Васильевич Найдёнов.

Меня назначили защитником по назначению обвиняемого Вазгена Саакова, на показаниях которого строилось всё обвинение. Перед вступлением в дело меня пригласили на беседу в адмотдел ЦК КП Азербайджана и мягко объяснили необходимость понимания роли моего подзащитного, который обвинял в преступлениях ответственных прокурорских работников.

Сам же Сааков сказал мне, что его заставили так говорить, били и пытали. Тогда я ответил: «Если Вы откажетесь от показаний, данных на следствии, Вам может грозить высшая мера наказания, а если будете продолжать оговаривать, Вас будут “расстреливать всю жизнь” на том свете». И когда Сааков стал давать показания в судебном заседании, Саша Бабаев искренне удивился: «Как же Вам, Гасан Борисович, удалось убедить этого мерзавца?»

Бабаев, Кулиев и Миркишиев были обречены. Приговором суда они были признаны виновными и осуждены к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение еще до рассмотрения надзорной жалобы Верховным Судом. Саакову же прокурор попросил 13 лет лишения свободы, а после моей защитительной речи в прениях суд определил ему окончательную меру наказания в виде лишения свободы сроком на 8 лет. Это был беспрецедентный результат, поскольку следствие длилось почти пять лет, и ему оставалось находиться в заключении чуть больше трех лет.

Да, советская власть порой была очень жесткой, но в ней было и много хорошего. Мы все – судьи, прокуроры, адвокаты – были в одной партийной организации, даже обедали вместе. Судьи не сторонились адвокатов. Многие адвокаты ранее служили следователями, сотрудниками милиции. Но «междусобойчиков» не было. Адвокатов уважали. Они могли быть принятыми в высших судебных инстанциях и не раз добивались изменения приговоров по самым сложным делам.

Помню, у меня было дело Бадри Ракетошвили, который был признан виновным в убийстве родителей своей девушки, препятствовавших их браку. На месте преступления остались следы его ботинок. Парню было 18 лет и 2 дня. Он говорил, что не понимал, какой бес в него вселился, однако его признание учтено не было, и ему определили высшую меру наказания. По моей жалобе в защиту интересов Ракетошвили, доложенной на личном приеме помощнику генерального прокурора СССР Кудрявцеву, по протесту заместителя генерального прокурора СССР в соответствии с постановлением Верховного суда Азербайджанской ССР смертная казнь была заменена 10 годами лишения свободы.

БАКУ–МОСКВА

Когда из ЦК КПСС пришло приглашение для работы в Москве, я был рекомендован на должность замначальника отдела хозяйственных законопроектов Президиума Верховного Совета СССР, к этому времени я уже неоднократно избирался депутатом нескольких созывов местных советов народных депутатов, являясь с 1985 года председателем комиссии по соцзаконности. Карьера моя складывалось вполне удачно, поэтому я категорически не собирался ехать в столицу. Но мама сказала мне: «Сынок, отец бы тебя благословил!» Его не стало в 1984-м, он умер скоропостижно на 59-м году жизни, а приглашение пришло в 1986-м.

В Москве сначала мне предоставили квартиру в городе Щелково, а после представления справки о сдаче трехкомнатной квартиры в Баку выделили квартиру в Москве. Показали рабочий кабинет. Взяв ключи, я собирался завтра приступить к работе, как вдруг увидел шедшего навстречу мне высокого человека с седыми взъерошенными волосами и очень знакомым лицом. Я стоял и думал: «Боже мой, кто же это?» А потом вспомнил: Виктор Васильевич Найдёнов, тот самый первый заместитель генерального прокурора СССР, надзиравший за расследованием уголовного дела в отношении работников трикотажной фабрики, «цеховиков». Он сказал мне: «А что вы здесь делаете? Вы же практикующий адвокат, законодательная хозяйственность вам будет неинтересна. Я хочу предложить вам другую работу...» Так неожиданно для себя самого я стал государственным арбитром города Москвы.

Окунувшись в практику рассмотрения арбитражных споров, я понял: систему рассмотрения споров между хозяйствующими субъектами необходимо совершенствовать. В эпоху директивного перехода предприятий на хозрасчет и самоокупаемость их руководители шли, можно сказать, потоком за консультациями в госарбитраж, однако госарбитрам запрещалось давать какие-либо разъяснения по конкретным делам. Но и адвокатов, которые могли бы в то время консультировать в условиях провозглашенных Горбачевым хозрасчета и самофинансирования, было недостаточно.

Долго так продолжаться не могло. И в 1989 году в порядке эксперимента при Мосгорисполкоме был создан Государственный юридический центр правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений (Госюрцентр Мосгорисполкома). Впервые в истории пока еще советской страны субъектам нарождавшегося предпринимательства начала оказывать юридическую помощь государственная юридическая структура нового типа. Вскоре в разных республиках, краях и областях начали создаваться аналогичные юридические центры. С созданием Правительства Москвы в 1991 г. Госюрцентр Мосгорисполкома был реорганизован в Мосюрцентр Правительства Москвы, а в 1993 году – в коллегию адвокатов «Московский юридический центр».

Мы мечтали возродить традиции русской дореволюционной адвокатуры, поэтому вокруг нашей коллегии стали объединяться и другие. Это в итоге и дало толчок к созданию Гильдии российских адвокатов – первого в России независимого профессионального добровольного объединения юридических лиц – коллегий адвокатов. Буквально несколько дней назад Министерство юстиции утвердило новые изменения в Устав ГРА, внесенные IX очередным съездом ГРА, по которым членами Гильдии могут быть и физические лица, утвердившие адвокатский кабинет.

НОВЫЕ РУБЕЖИ

В начале 1990-х меня направили в служебную загранкомандировку в США, где я являлся заместителем генерального директора Российского торгового и культурного центра в Нью-Йорке. Я прилетел туда, толком не зная языка, а через полгода уже вел переговоры на английском. Мне предлагали остаться там и продолжить работу в миссии, но я вынужден был уехать в связи с болезнью мамы.

В Москву я вернулся 16 октября 1993 года и вскоре был направлен в Приднестровскую Республику, где, по сути, был адвокатом целого непризнанного государства. Кто бы мог подумать, что в 2006 году мне, однажды разочаровавшемуся в милицейской работе, за участие в той миротворческой миссии Указом Президента Приднестровской Молдавской Республики наряду с имевшимся званием полковника юстиции мне было сначала присвоено звание полковника милиции, а через несколько лет – генерал-майора милиции!

В 1999-м я был избран депутатом Государственной Думы и Парламентского Собрания России и Республики Беларусь третьего созыва. Задолго до этого я и душой, и сердцем понимал, что нам, адвокатам, крайне необходим свой закон. Уже много лет российская адвокатура мучительно пыталась прийти к согласию по вопросам своего будущего, болезненно искала точки сближения самых противоречивых позиций. Поэтому главную свою задачу похода в Думу я видел в том, чтобы наконец-то был принят долгожданный и такой нужный закон.

Ну а дальше я решил продолжать адвокатскую деятельность. Ведь коллегия адвокатов «Московский юридический центр» и Гильдия российских адвокатов – мои детища, а адвокатура – моя жизнь. Без этого я себя не мыслю...

* * *

Общение с Гасаном Борисовичем мы продолжили в его загородной резиденции в Лесном Городке. И надо признаться, что это совершенно удивительное место. Небольшой уютный дворик с качелями, кирпичный дом, утопающий в ветвях сосен, когда-то высаженных самим хозяином. Беседка с мангалом, созданная по проекту Гасана Борисовича, где встречаются, чтобы отведать шашлыка, который он непременно сам и готовит. Две детские площадки для подрастающего поколения. И много-много зелени: яблони и груши, шиповник и сирень, боярышник и даже топинамбур...

И всё-таки Гасан Борисович признается, что загородная жизнь захватывает его не так, как городская. Но в выходные, после напряженной рабочей недели, вся семья, включая детей и внуков, собирается именно здесь. Какой он дед – отдельный разговор. Для внуков в своем доме он создал все условия: и огромную игровую комнату, и целый автопарк детской техники.

Мы приехали в субботу – Шаббат, седьмой день недели в иудаизме, который в семье Мирзоева, тата по национальности, чтут по традиции предков. Вообще отношение к рели-

гии у Гасана Борисовича особенное. «Я всегда чувствовал божественное окружение вокруг, – говорит он, – да и в семье нашей всегда соблюдали традиции, хотя в советские годы это было ох как нелегко. И вот однажды классе в четвертом я спросил отца, настоящего большевика-сталиниста: "Пап, а Бог есть?" И он ответил мне: "Сынок, Бог есть, только ты в школе об этом ни с кем не говори"».

Как признается Гасан Мирзоев, именно родители стали его учителями и в профессиональном, и в духовном плане. Знания, полученные от них, теперь уже он сам старается передать детям и внукам.

Мой прадед, Натан Ефремович, получил образование в Париже и Иерусалиме и учился в школе с Мешади Азизбековым, одним из 26 бакинских комиссаров. Дед был богатым человеком, в его собственности было несколько нефтяных вышек, две маленькие чулочные фабрики, дома в Баку и в Кубе. Он был глубоко верующим человеком, и в Баку до сих пор помнят о его добрых делах. Когда он выходил из дома, простые люди на улице выстраивались в длинную очередь за благословением, и каждому он помогал деньгами. Дед был ясновидящим и задолго до прихода советской власти передал всё свое имущество Бакинскому совету. В 1948 году деда отравили. У него было пятеро детей, которых вырастила моя бабушка Нина Исаковна.

Его сын, Борис Натанович Евдаев, мой отец, стал выдающимся инженером-строителем и изобретателем. В неполных 16 лет он убежал на фронт и попал в железнодорожные войска. Бабушка моя упала в ноги моему дяде, Юрию Натановичу, который только вернулся с фронта после ранения и был назначен заместителем военного комиссара города Баку, и стала молить его: «Спаси брата, я знаю, что он погибнет». Отца нашли под Моздоком и вернули домой. Дядя Юра потом стал крупным нефтяником с тысячами рабочих, а папа – заслуженным рационализатором, главным инженером сначала Северо-Кавказской, а затем Закавказской железной дороги. Но всю жизнь отец упрекал старшего брата за то, что тот не дал ему дойти до Берлина.

ОТЕЦ ПОВТОРЯЛ МНЕ: «ВООБЩЕ, СЫН, ДУМАЮ, ЧТО ТВОЕ ПРИЗВАНИЕ – АДВОКАТ». ТОГДА Я, САМ НЕ ЗНАЮ ОТЧЕГО, РЕЗКО ОТВЕТИЛ ЕМУ: «АДВОКАТОМ Я НИКОГДА НЕ СТАНУ!» ПРОШЛО ВРЕМЯ, И Я ПОНЯЛ, ЧТО ОТЕЦ БЫЛ ПРАВ

После техникума в 1945 г. отца направили в город Грозный для работы главным инженером железнодорожного депо. В Грозном он и встретил мою маму, Дору Шавадьевну Алхазову, худенькую симпатичную девочку, которую после войны ее старший брат Исай Шавадьевич Алхазов, оперуполномоченный НКВД, устроил на работу телефонисткой. Отец вернулся в Баку и поехал с целым вагоном родственников сватать ее. Это было в 1946 году. Через год, 11 декабря 1947 года, родился я, а позже – моя сестра Фрида и брат Натан.

Вся жизнь моего отца была связана с железными дорогами. В 1958 году он окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта и через несколько лет защитил диссертацию в столице. Он был автором теории выправки железнодорожных кривых, многочисленных изобретений и рацпредложений.

Отец унаследовал экстрасенсорные способности деда. Работая на железной дороге, он указывал участки, где могли случиться аварии. Сначала по этому поводу его вызывали в КГБ и спрашивали, откуда он знает такую информацию, а потом, особенно после смерти Сталина, стали просто приглашать за советом.

Папа был настоящим большевиком. Никогда не забуду его глаза, когда умер Сталин. Мне было 5 лет, стоя на подоконнике, я увидел, как на улице все плачут, и стал спрашивать отца, в чем дело, а он ответил мне:

«Сынок, умер вождь». И только бабушка на нашем языке сказала: «Слава Богу, этот тиран умер!»

Отец был очень строгим к своим детям, и мы его побаивались. Даже попросить 10 копеек в школу бежали к маме. И всё-таки это был человек широчайшей души. У него был служебный автомобиль, сначала «Москвич», а потом «Волга», на которой ездили все, кроме него. За его изобретение – многошарнирный рихтовочный прибор – ему выдали немыслимую по тем временам премию – 25 тысяч рублей! Даже Германия предлагала за чертежи 150 тысяч марок. А он, получив деньги, перевел всё в Фонд мира. Я и сейчас помню, как, узнав об этом, плакала мама...

Воспитательница в детском саду, мама была совершенно удивительным человеком. Ей было действительно тяжело. Отец учился в Москве, а она с тремя маленькими детьми оставалась в Георгиевске. Отец ее, мой дедушка, был унтер-офицером царской армии, и сила духа всегда была присуща маме. Отлично помню, как однажды, решив купить нам костюмы, она продала кольцо и долго не признавалась, а я долго возмущался: куда ты его дела.

Мама хорошо знала кавказскую и национальную кухню. Провожая меня из дома, мама всегда выливала в свет стакан воды и говорила: «Бог в помощь». Когда меня направляли в Приднестровье, она сказала мне: «Зачем тебе туда ехать? Там опасно». В первый же день после моего приезда с берега Днестра одновременно ударили три гранатомета. Не знаю, как не лопнули мои барабанные перепонки, но с тех пор правое ухо у меня плохо слышит...

У Гасана Мирзоева трое детей: Гюльнара, Борис и Полина. Сын Гасана Борисовича пошел по стопам отца, старшая дочь Гюльнара тоже имеет юридическое образование, но, окончив Институт кинематографии, стала актрисой и сыграла немало запоминающихся ролей. Среди ее педагогов и наставников – Владимир Этуш и Александр Ширвиндт. С ней и ее сыном Леонардом мы познакомились в Лесном Городке.

Каминный зал с великолепной мягкой мебелью... Мангальный зал, где отмечают семейные праздники и принимают гостей, среди которых самые именитые представители юридического сообщества не только России, но и зарубежья, коллеги из Франции, Италии и Испании. Интересно, что зал получил свое название благодаря особой конструкции мангала, позволяющей готовить прямо в комнате в любое время года. Наше

внимание хозяин дома обратил на свой портрет, написанный рукой сестры Фриды Борисовны Юсуфовой, поэтессы, художника и общественного деятеля, которая проживает в Израиле. Это удивительная женщина, посвятившая жизнь сохранению культуры своего древнего горского народа, всего ценного, что в ней есть.

Дом Гасана Мирзоева – настоящая галерея, где представлены не только семейные портреты, но и ценнейшие образцы живописи, привезенные из разных уголков мира. Гасан Борисович – страстный коллекционер. Первую картину он приобрел с первой же зарплаты. Говорит, что это было настоящее внутреннее влечение.

И всё-таки, находясь в стенах дома, кожей ощущаешь связь времен. Сакральным местом в доме является кабинет, где Гасан Борисович проводит большую часть времени. Эта комната просто дышит воспоминаниями. Портреты предков подчеркивают, с каким благоговейным трепетом чтят память о них. В углу – шкаф с наградами и книги-книги-книги, среди которых 36 томов Книги Зоар, тайного учения о мироздании – Каббалы. Из рассказа Гасана Борисовича:

С женой Зинаидой и дочкой Полиной мы находились в Израиле, гуляли по набережной, когда Полина попросилась домой. Стояла жара, но я предложил зайти в ресторанчик. Удивительно, столько раз проходил мимо, но никогда его не замечал. Мы зашли внутрь, нам показали стол, и я пошел мыть руки. Когда шел обратно, увидел небольшой стол, накрытый тканью, а сбоку – гору книг. Заинтересовавшись, я понял, что это Каббала на русском языке. У меня таких книг никогда не было, да что там... до 2000 года нам было запрещено даже слово такое произносить. Я сказал официанту: «У меня такое ощущение, что эти книги ждут меня, я хочу купить их все». Официант ответил: «Их, по всей видимости, послали Вам, так что заберите их, пожалуйста». Я удивился: «Как это – мне?» «Знаете, – ответил официант, – часа 2–3 назад пришел человек в белых одеждах и сказал: "Будет проходить человек и очень заинтересуется книгами, отдайте ему их", – и оставил 200 шекелей». Я пытался дать официанту в два раза больше, но он категорически отказался. Так книги попали ко мне. Признаюсь, что некоторые из них я не успел даже полистать.

Залог неутомимости Гасана Мирзоева – здоровый образ жизни и духовный рост. Каждое утро он читает псалмы Давида и делает «пять жемчужин» тибетской гимнастики. А его спортзал – это особое место, где он проводит немало времени. В зале удивительным образом соседствуют и спортивные снаряды, и картины, главный герой которых – сам хозяин дома. Тут вам и «Бурлаки на Волге», и «Переход Мирзоева через Альпы», и даже «Бой Гасана с Головой». В 2002 году известный хоккеист Вячеслав Фетисов, символически открывая спортивный зал, оставил на стене дружескую надпись, которая сохранилась до сих пор.

Сам Гасан Мирзоев всегда был и остается поклонником спорта. В разное время он увлекался самбо, велоспортом и штангой. Шахматы также остаются его увлечением, хотя больше он предпочитает нарды. Но главным своим спортивным хобби Гасан Борисович считает плавание. В молодости он серьезно увлекался водным поло и даже был кандидатом в мастера спорта. Но в без малого 16 лет он прыгнул

в бассейн с барьера и попал на натянутую проволоку. «Мама сказала: или я, или плавание. И я перестал ходить».

Когда меня в наказание за строптивость сослали в армию, бунтарский дух кипел во мне. Но ссылка оказалась не ссылкой, а лучшим периодом в моей жизни. Хотя и в нем нашлось место испытаниям. Очень быстро я стал сначала заместителем командира взвода, а потом и старшиной роты и почти 6 месяцев исполнял обязанности освобожденного секретаря комитета комсомола войсковой части. И как студент четвертого курса юридического факультета читал лекции сержантам и офицерам.

В 1972 году горели леса и торфяники в Московской и Калининской (теперь Тверская) областях. Как-то среди ночи нас подняли по тревоге. Будучи старшиной учебной роты в 400 человек, я дал команду к построению. Замполит попросил сделать два шага вперед желающих принять участие в ликвидации пожаров. Не вышли только двое. В тот же день нас на вертолетах сбросили в горящий лес. Жар был такой, что плавились сапоги. Трое сослуживцев, один из которых из нашей роты, сгорели в торфянике сразу, обугленный труп одного из них я вытащил за руку, но все, кто шел за мной, остались живы. Тогда-то Указом ПВС СССР я был награжден самой дорогой для меня наградой – медалью «За отвагу на пожаре».

Сам дом и все интерьеры в нем созданы с любовью и вниманием к каждой мелочи. Гасан Борисович признается: для того чтобы резиденция стала семейным гнездом, он приложил немало усилий, но в большинстве своем это заслуга его супруги Зинаиды Яковлевны. Она безусловная хранительница очага, душа и сердце семьи. Зинаида Яковлевна – тоже адвокат, кандидат юридических наук, проректор РААН – первого в России высшего юридического учебного заведения со специализацией «Адвокатура», учрежденного ГРА в 1997 году при участии Министерства юстиции РФ, а с 2008 года – с участием Федеральной палаты адвокатов РФ.

Жемчужина дома в Лесном Городке – египетский зал, светлый и роскошный, который получил свое название благодаря картинам с изображением фараонов. Сердце его – удивительной красоты резная деревянная мягкая мебель, которую Гасан Борисович заказывал в Индии. Зал пирамидальной формы – в доме верят, что это способствует просвещению и сохранению энергии. Венчает зал роскошная люстра. На деревянном резном комоде – настоящие боевые сабли. Гасан Борисович признается, что ценит оружие как искусство и раньше коллекционировал его, но сейчас практически всё раздарил.

В конце нашей встречи, беседуя за чашкой крепкого кофе без сахара, Гасан Борисович признался, что считает себя очень счастливым человеком.

«Когда в шестом классе нам предложили написать сочинение о том, что такое счастье, я написал стихами:

Что такое счастье, как рождается оно?
Об этом не расскажет ни одна анкета,
Хоть тыщу мнений сложите в одно»...

Наверное, главное для меня в понимании счастья – чтобы мои жена и дети были всегда рядом.